IN MEMORIAM

В. В. Савчук

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА НИКОЛАЯ ГРЯКАЛОВА

18 июля 2014 г., находясь на отдыхе в Болгарии, скоропостижно скончался Николай Алексеевич Грякалов, философ, социальный антрополог, старший преподаватель кафедры философии науки и техники философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Николай Алексеевич родился 15 сентября 1978 г. в Ленинграде. В 1995 г. поступил на философский факультет СПбГУ, который с отличием окончил в 2000 г., специализируясь по кафедре социальной философии и философии истории, где затем обучался в аспирантуре. В 2003 г. защитил кандидатскую диссертацию «Террор: социально-философский анализ» (научный руководитель — доц. Н. Б. Иванов). С сентября 2003 г. стал работать на кафедре философии науки и техники. В 2010–2012 гг. прошел курс докторантуры по кафедре философской антропологии, обсудив докторскую диссертацию «Социальная антропология бытия». Автор более 40 научных работ (некоторые из них — в зарубежных изданиях), монографии «Фигуры террора» (2007), посвященной социальной антропологии насилия. За эту книгу он получил премию Санкт-Петербургского Философского общества «Вторая навигация» в номинации «Философский дебют». Первым свидетельством международного признания Н. А. Грякалова стал перевод в 2010 г. на корейский язык его статьи «Советское. Заметки об ориентации», вошедшей в изданный сеульским Университетом Ханянг сборник под названием «Мираж утопии: пересмотр советской культуры», а в 2012 г. его текст был включен в вышедший в Сербии сборник статей, репрезентирующих современное состояние актуальной русской философии [1]. В июне 2014 г. им была закончена книга, подводящая итог научных изысканий последних лет: «Жребии человеческого. Очерк тотальной антропологии». В настоящее время она рекомендована к печати редакционно-издательским советом Института философии Санкт-Петербургского университета и готовится к выходу в издательстве «Дмитрий Буланин».

Сфера научных интересов Н. А. Грякалова была обширна: новоевропейская научная революция, практики признания истины, экзистенциальная аналитика чувственности, философские проблемы семиотики, история «техник тела». Он читал авторские курсы лекций по философии языка, истории и философии науки, философским аспектам антропосоциогенеза, исторической

Савчук Валерий Владимирович — доктор философских наук, профессор, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; vvs1771@rambler.ru

Savchuk V. V. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vvs1771@rambler.ru

эпистемологии наук о человеке, принимал участие во многих международных научных форумах, телепередачах, презентациях, художественных акциях. Наиболее значимые публикации последних лет — «К политической антропологии сфер», «Теологические аспекты генеалогии новоевропейской науки», «Номос аппаратов», «Теория кукол (лабиринт Платона)», «Волшба вещей: фетиши».

Николай Грякалов за свою недолгую жизнь сделал очень многое, но главное — успел выработать собственную жизненно-философскую позицию: он никогда не шел на компромиссы и, избегая легких путей, неуклонно следовал своей дорогой. Никогда не останавливаясь на освоенном и усвоенном, он, усиливая плотность текста, умело переходил от одного дискурса к другому, сопрягая позиции Б. Пильняка и Ж. Делёза, В. Подороги и М. Мосса, С. Фокина и М. Фуко. Если для многих освоенные труды Гегеля, Хайдеггера, Гуссерля, Лакана или Делёза становились тем символическим капиталом, который они рачительно приумножали, посещая соответствующие конференции и реализуя конкретные проекты, то он, равно владея всеми дискурсами, девальвировал эзотеричность гегельянских, психо- или шизоаналитических, феноменологических и прочих сект. Он любил и хорошо знал русскую философию и литературу, обращаясь в своих устных и письменных выступлениях к работам Флоренского и Бахтина, Мамардашвили и Лосева, цитируя Пушкина, Достоевского, обэриутов… Свободно сочетал, подобно Бодрийяру или Жижеку, примеры из сфер элитарной и массовой культуры, в своих размышлениях одинаково охотно цитировал классику, например Шекспира или немецких романтиков, Кржижановского, философские и антропологические тексты, и сцены из популярных фильмов, на личном опыте доказывая, что разнородные истоки мысли могут стать «арматурой человеческого мира», «человекосозидающими машинами». Каждый слышавший его выступления, лекции, лично с ним беседовавший (а здесь он не делал различий: всегда оставаясь серьезным, не допускал пустых состояний, слов, ритуальных тем разговора), не мог не отметить превосходящую простое любопытство эрудицию, глубокие, лично окрашенные знания.

Интересы Н. А. Грякалова лежали в самых разнообразных областях науки, искусства, практик тела (каратэ, тяжелая атлетика). Всё это существовало в актуальной сфере личного поиска, оценки, объяснения и вопрошания о нерасторжимости далеких друг от друга наук, фигур, ипостасей, на чем выстраивались необходимые его логике оппозиции: король и шут, ведун и колдун, аскет и атлет. Он не стал профессиональным софистом, дельцом от науки, обходительным функционером и глубокомысленным комментатором классических текстов, ибо монотонной метафизической неуклюжести всеобщего он противопоставлял неотложные примеры из разных областей истории, наук, культур, дисциплин.

Пройденный Николаем Грякаловым жизненный путь неотделим от пути, который прошла окружающая его трудная и сложная жизнь. Обращаясь к осмыслению дела философии, он говорил, что «философ создает странных “существ”, концепты, которые использует для выговаривания простоты своей интуиции». Он неизменно включал в контекст своего мышления экзистенциально переживаемые темы: способы построения человеческого, телесность, эротику, политику, войну, смерть — и в этом доходил до предельного опыта, считая, что «философия — это упорство разрушения самоочевидного».

Его речь обладала необычайной энергией: когда он начинал говорить, все замолкали. Сказать трудно, а противопоставить экзистенциально окрашенным аргументам нечего. Он не боялся эпатирующей определенности, кратких тезисов, например: «Город изнасиловал Гею — именно так мы должны понимать манипуляции с натуральным». Это, на фоне господствовавших стратегий игры, ускользания и иронии, вызывало удивление неожиданностью и четкостью сопоставлений. Не боялся он и заниженных примеров для иллюстрации своих мыслей — и в этом был подобен и Чжуан-цзы, и Сократу, и Розанову: всегда был собран и всегда здесь. Инстанция его речи была укоренена в интеллектуальном топосе Петербурга. Так, в ботаническом саду Санкт-Петербургского университета руины старого фонтана с легкой руки Николая именуются теперь «Могила Нибелунгов».

Его философствование было не столько «утешением философией», сколько хюбрисом, провокацией, неравнодушием, вызовом и повсеместным удивлением: всё для философа не такое,

каким представляется всем. Поистине прав Фердинанд Алькье: он нес знание одинокой универсальности, проистекающей из универсального, такого очевидного и понятного характера сообщаемой им истины, испив до дна «одиночество философа». Парадоксальный характер его мысли с легкостью вбирал полюса высокого и низкого, экстатического и обыденного, свободу воли и мужскую дружбу, сыновнее почтение и философскую (сократовско-киническую) бескомпромиссность. «Настоящие философы — это “безбашенные” личности, с упорством отстаивающие свое различие», — говорил Николай.

Его мысль сопрягала книжную мудрость и нравы местного топоса. Об архаических сообществах он говорил как о своих ближайших предках, а непосредственным адресатом его речей и текстов были коллеги, друзья, товарищи по семинару, кафедре, конференциям, неформальному общению. Его мысль не засиживалась в окопе, он шел в атаку на метафизические бастионы и бесплотные, бестелесные размышления о человеке «как таковом». Его речь всегда была телесна, активна: он говорил и выговаривался всем существом, всем телом, всей биографией; его чуткое ко всем воздействиям философское тело было поистине конверсивом топоса, вбирая и интеллектуальные «сквозняки», и телесные мутации, и загрязнение визуальной экологии.

В последние годы внимание Николая Грякалова было сосредоточено на социальной антропологии, в частности на той ее вариации, которая в качестве центральной проблемы определяет проблему лиминальных состояний. Он и сам, словно урбанистический шаман постиндустриальной эпохи, обладал силой, способной вывести мысль из русла смутных понятий, освободить чувство от брони обыденности. Умея находить даже в самых обычных вещах и ситуациях некую тайну, он давал собеседникам возможность выйти в новое измерение реальности, почувствовать ауру простых вещей. В разговоре с ним, в наблюдении за осуществляемой им мыслительной работой невозможно было сохранить позу безразличия. Его речь завораживала аудиторию, импульсы мысли поражали собеседника, порой запуская в работу «машины рефлексии». Это мощное воздействие и способность «будить» в слушателе мысль, погружать его в жизнь идей непредставимы вне уникальной манеры мысли Николая Грякалова. Артикуляция создаваемых им понятий невозможна вне жестикуляции, а его слово непредставимо без мимики, интонации, фигуры тела. Мысль для него была образом жизни, его плотью. Видимо, потому стиль его письма можно было бы определить как «телесный по преимуществу» — столь насыщено оно смыслами, столь тесно в нем мысли, что невольно вспоминаются слова Порфирия о Плотине: он «был более щедр на мысли, чем на слова» («Жизнь Плотина», 14, 1; цит. по: [2, с. 95]).

Не разъезжая по зарубежным конференциям, не участвуя в гонке грантозаявителей, не ориентируясь на философскую моду, Николай Грякалов оставался свободным от исполнения обязательных фигур мысли, ритуальных отсылок и интеллектуальных экивоков. Он плоть от плоти интеллектуального ландшафта, им взращенный и ему же возвращающий авантюру своей биографии, раскованность мысли. Вспоминаются слова моего старого друга, прибалтийского философа: «Я пишу по-литовски и публикую на нем же, хотя знаю, что мою статью могут прочитать от силы 3-4 человека, а если по-русски или по-английски — в сто раз больше. Но я хочу, чтобы в Литве была своя философия». Разрабатывая мыслительный ресурс топоса, Николай Грякалов, осознанно или нет, повышал его уровень.

И хочется верить, что философско-антропологическое, философско-социологическое сообщество, вопреки принятой манере быстро забывать соотечественников, посвятит творчеству Николая Грякалова специальное научное исследование.

Литература

1. *Грякалов Н. А. К* политической антропологии сфер // Русская философия сегодня: об искусстве и политике / ред. Александра Вранеш; ред.-сост. Корнелия Ичин. Белград: Изд-во филол. ф-та Белградского ун-та, 2012. С. 47–64.

2. *Адо П.* Плотин, или простота взгляда / пер. с фр. Е. Штоф. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 144 с.